

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

К. С. Губа

Издавая «СоцИс», или Проблема легитимности в советской социологии¹

ГУБА Катерина Сергеевна — магистр в области социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; научный сотрудник Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник НОЦ «Центр социально-политических исследований технологий» НИУ «Томский государственный университет». Адрес: Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, корп. 2.

Email: kguba@eu.spb.ru

В центре внимания автора статьи находится эволюция классификационного порядка рубрик, которая происходила на страницах «Социологических исследований» («СоцИс») — главного журнала советской социологии в 1974–1991 гг. Основным источником эмпирических данных стали выпуски журнала за 1974–1991 гг. (всего было обработано 7784 статьи и 160 названий рубрик). Журнал «СоцИс» был создан в результате политического решения, и его существование зависело от государственного патронажа². Журнал своим содержанием должен был соответствовать официальной идеологии советской социологии, что решалось набором рубрик, отсылающих к формам работы, предписанным советскому социологу. Рубрикация издания служила главным сигналом о лояльности редакции, требовавшейся для того, чтобы журнал мог продолжать своё существование. В годы перестройки, во время социальных и политических преобразований роль журнала была переосмыслена: «СоцИс» менялся и для того, чтобы действительно привлечь массового читателя, и для того, чтобы это стремление стало очевидным. Поставленная задача решалась с помощью воспроизводства черт успешных массовых изданий того времени — «толстых» журналов и газет. Однако сама зависимость социологии от практических задач, которые перед ней ставили партийные архитекторы перестройки, осталась. Задаваемый извне принцип классификации публикационного пространства сыграл определяющую роль в том, как редакция организовала деятельность по поиску и отбору рукописей. Случай «СоцИса» показал, что когда перед изданием стоят чёткие задачи, связанные с содержанием, деятельность редакции подчиняется этим задачам. Работа с рукописями носила отпечаток квазирецензирования, которое выполняло функцию доведения «сырых» рукописей до тех продуктов, которые вносят вклад в

¹ Работа выполнена в Центре исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке гранта Правительства РФ по постановлению №220 (Договор №14.U04.31.0001). Я признательна тем, кто разделяет мой интерес к исследованию научных журналов, — М. Соколову (ЕУСПб), всегда готовому прочитать первые черновики, Б. М. Фирсову (ЕУСПб) за консультации об ушедшей советской эпохе, Б. Степанову (НИУ ВШЭ) за помощь с поиском литературы об издании советских журналов, М. Пугачёвой (НИУ ВШЭ) за содействие в организации интервью с редакторами, принимавшими участие в работе журнала «СоцИс» в советское время.

² Использование термина «патронаж» имеет свои отличия в исследовательской традиции истории и социологии от применения этого же понятия в государственной документации, в медицине или искусстве. Патронаж отсылает к особой специфике патрон-клиентских отношений, которые регулируются не только формальными правилами. В этом смысле патронаж государством журнала «СоцИс» означал как зависимость, которая была оформлена постановлениями ЦК КПСС, так и слабо формализуемую зависимость от ожиданий партии, каким должен быть журнал по советской социологии.

нужную рубрику журнала. История советского периода существования «СоцИса» — это история организации, в которой контролировалось содержание журнала, в то время как контроль внутренней работы редакции по поиску и оценке рукописей оставался на периферии.

Ключевые слова: новый институционализм; социология организаций; научные журналы; социология науки; советская социология; история социологии.

Стивена Коула как-то спросили, почему он стал заниматься социологией науки. В своём ответе Коул сослался на притягательность для него этой дисциплины в силу её лёгкого доступа к данным [Cole 2004]. Действительно, многие и многие исследования построены на анализе уже опубликованных статей, которые привлекают для изучения социальной структуры научного сообщества [Moody 2004], создания когнитивных карт [Moody, Light 2006] или описания различий между культурами разных дисциплин [Pontille 2003]. Обращаясь к публикациям в журналах за данными, исследователи имеют дело с итогом работы редакции, представленным набором статей. Вопрос о том, что стоит за составом каждого номера, как правило, остаётся на периферии внимания социологов науки. Для них журнал — это источник данных, который репрезентирует нужные феномены. Однако журнал не только как зеркало отражает состояние дисциплины [Greenfeld 1988], но и участвует в её производстве [Abbott 1999]. В данной статье мы рассмотрим журналы как феномен, который нуждается в объяснении. Нас интересует с позиций социологии организаций логика функционирования журнальных редакций, с помощью которой регулируется публикационное пространство журнала.

Статьи журнала, с которыми имеют дело читатели, а иногда и социологи науки, появляются в результате работы редакции по поиску и отбору рукописей. Соответственно значительное внимание исследователей заслужила сама процедура подготовки и издания журнала, особенности которой могут оказывать решающее влияние на то, что, в конце концов, появится на страницах журнала. В исследовании, посвящённом истории издания «American Journal of Sociology», Э. Эббот показал, как под давлением сообщества изменилась работа редакции: в соответствии с представлениями о справедливой процедуре поиска и отбора рукописей появилось так называемое слепое рецензирование всех статей с участием внешних рецензентов [Abbott 1999]. Исследование американских социологических журналов показывает, что их редакции — это тот тип организаций, в которых координационная деятельность редко затрагивает содержание статей, но в большей степени осуществляет жёсткий контроль (*tight control*) за различными процедурными вопросами их отбора [Meyer, Rowan 1977]. Однако такой тип контроля характерен далеко не для всех редакций.

Более важным для редакции может оказаться не строгая процедура рецензирования, а организация содержания в соответствии с миссией и целью журнала. Например, издание может определять своё предназначение в качестве главной публичной площадки для заинтересованного читателя. В этом случае редакции только помешает строгая процедура рецензирования, поскольку логика включения статей в журнал будет определяться его миссией, а не процедурой поиска и оценки рукописей.

В настоящей статье мы хотим обратить внимание на необходимость рассматривать научные журналы как организации, которые находятся под давлением внешней среды, контролирующей разные элементы работы редакций. В одних редакциях контроль происходит над внутренними производственными операциями, в других внимание сосредоточено на публикуемых материалах. Статья посвящена изучению редакции второго типа, чья деятельность определялась контролем содержания рукописей, тогда как процедура оценки рукописей находилась на периферии внимания. Тем самым мы сможем приблизиться к прояснению различий между редакциями научных журналов, которые хотя и имеют общие институциональные корни и похожи в своей формальной структуре, но различаются в своей реальной деятельности.

Статья опирается главным образом на основные идеи культурно ориентированного институционализма, которые применяются к анализу организаций [Meyer, Rowan 1977; DiMaggio, Powell 1983]. В центре внимания этого подхода находятся организации, успешное существование которых зависит от одобрения их деятельности внешней средой. Логика функционирования таких организаций ставит перед ними задачу обретения легитимности³, что определяет всю их дальнейшую жизнь.

Организация, которая стала объектом нашего исследования, — это редакция журнала «Социологические исследования» в 1974–1991 гг. Журнал «СоцИс» был создан в 1974 г. в результате политического решения, и на протяжении советского периода его существование зависело от государственного патронажа. Само создание журнала означало высокий кредит доверия со стороны партии, который нужно было оправдывать в дальнейшем. Легитимность журнала зависела, в глазах политических кураторов, от того, насколько успешно редакция выполняла установки официальной идеологии о предназначении советской социологии. Главный тезис этой работы заключается в том, что задача достижения легитимности решалась через соответствие рубрик журнала предписанным советскому социологу формам работы. Таким образом, в центре внимания статьи находится анализ рубрик главного журнала советской социологии за 1974–1991 гг.

Статья строится следующим образом: сначала мы рассмотрим основные возможности применения новой институциональной теории для изучения академических организаций в целом и научных редакций в частности. Существующие исследования в основном затрагивали западные академические организации, поэтому мы уделим особое внимание вопросу о том, насколько правомерно использование идей нового институционализма при анализе научных организаций, занимавшихся социологией в советский период. Анализ публикационного пространства журнала предваряется описанием данных, отдельно рассматривается вопрос об ограничениях выбранной стратегии анализа. Советская социология менялась вместе с политической обстановкой, поэтому анализ делится на два исторических блока: деятельность журнала (1) до перестройки (1974–1984 гг.) и (2) в период политических перемен (1985–1991 гг.). В заключении мы возвращаемся к поставленному вопросу о координации журнальных редакций, которая может затрагивать содержание статей или процедуры поиска и отбора рукописей.

Неоинституциональная теория академических организаций

В классической работе «Институционализованные организации: формальная структура как миф и церемониал» Дж. Мейер и Б. Роуэн пишут о том, что выживание организаций зависит от того, как они выстраивают свои отношения с другими примыкающими к ним организациями (например, с поставщиками или потребителями). Если контрагенты действительно важны для существования организации, то она будет координировать свою деятельность так, чтобы эффективно решить задачи взаимодействия с ними [Meyer, Rowan 1977]. Такие организации относят к техническому сектору, для которого определяющей является эффективность координации производственных процессов, что и позволяет достигать нужных результатов. Однако в основании организационных форм лежит не только стремление организации стать эффективной, но и стремление к легитимности. Особенно это важно для организаций, которые обязаны своим существованием одобрению со стороны внешней среды (её классификационных схем и представлений). Для выживания коммерческой фирмы важно не только число потребителей её услуг, но и согласие законодателей, правоприменителей и, в конечном счёте, большинства населения с тем, что предоставление данных услуг допустимо. Рост числа публичных домов или наркопритонов ограничивается не потребительским спросом в первую очередь. На специфици-

³ В статье ключевую роль играет понятие легитимности (*legitimacy*). Его использование отсылает к статье Дж. Мейера и Б. Роуэна, которая строится на противопоставлении эффективности и легитимности как двух гарантий выживания организации [Meyer, Rowan 1977]. Легитимность, как отмечено переводчиками статьи в предваряющем комментарии, не стоит понимать только как «законность» — право не является единственным источником легитимности.

ческих рынках, где стоимость товара менее очевидна и определяется социальными обстоятельствами, эти соображения становятся более важными, чем вопросы сбыта [Zuckerman 1999]. Большинство современных музеев или университетов вообще довольно мало зависят от денег, которые в них приносят непосредственные потребители их услуг. Гораздо важнее вера внешней среды — прежде всего профильных государственных органов — в то, что эти услуги должны предоставляться, а отказ организациям в поддержке нелегитимен.

Обретение легитимности предполагает наличие аудитории, одобрение которой стремится получить организация. Аудитория воспринимает окружающий мир через классификации, от попадания в которые во многом и зависит выживание организации. Классические идеи Э. Дюркгейма о социальных основаниях классификационных схем спустя десятилетия легли в основу исследований поведения организаций. Если организации входят в уже существующее поле, то им нужно вписаться в категории поля, которыми мыслят внешние акторы. Чтобы получить ассигнования и налоговые преимущества, предназначенные для университетов, организация должна в глазах бюрократов выглядеть как университет, а то, что в ней происходит, — как учебный процесс. Рособнадзор следит за тем, чтобы не было никаких послаблений. Этот своего рода категорический императив (*categorical imperative*) [Zuckerman 1999] для некоторых типов организаций имеет исключительное значение, так как затрагивает легитимность существования всей организации. Если организация ему не следует, то она несёт серьёзные издержки, а так как ставится вопрос о её легитимности, то проблемы могут оказаться и более серьёзными — вплоть до насильственного прекращения деятельности. Если чиновники решат, что под видом образовательных услуг оказываются какие-то другие — незаконные (например, университетом объявила себя религиозная секта или институтом сексуального мастерства — публичный дом), то в дело вмешается полиция. Классификация организации чиновником имеет решающее значение для её существования.

Таким образом, в новом институционализме присутствует особое понимание окружающей среды, которая создаёт схемы для акторов. Этот момент существен для формулировки всего аргумента, так как именно окружение накладывает ограничение на жизнь организации. Л. Цукер предложила разделить теории на два концептуальных подхода: окружение как институт и организация как институт [Zucker 1987]. В первом подходе (окружение как институт) главное — соответствие организаций внешнему окружению, которое является источником представлений о том, какими должны быть легитимные организации. Во втором подходе (организация как институт) большую роль в определении поведения организаций играют другие организации того же типа. В статье П. Димаджио и У. Пауэлла оба эти подхода совмещаются, и принудительный изоморфизм описывается через первый подход (окружение как институт), тогда как миметический изоморфизм — через второй (организация как институт) [Димаджио, Пауэлл 2010]. Институциональный изоморфизм возникает в силу того, что у организации появляются стимулы в подражании образцам, чьи успешность и легитимность не вызывают сомнения, либо тем структурам, которые определяют существование организации, настаивая на воспроизводстве необходимой формы. Димаджио и Пауэлл выделяют три механизма изоморфизма: «принудительный изоморфизм (*coercive isomorphism*), который проистекает из политического влияния и проблемы легитимности; подражательный изоморфизм (*mimetic isomorphism*), являющийся результатом стандартных реакций на неопределённость; и нормативный изоморфизм (*normative isomorphism*), связанный с профессионализацией» [Димаджио, Пауэлл 2010: 37].

Организация стремится попасть в нужную категорию. Для этого она совершает ряд действий, которыми отличаются организации этого типа или которые важны для внешнего окружения. Для организации существует два главных способа демонстрации своих притязаний: она может использовать символическую деятельность или же сделать акцент на формальной структуре. Во втором случае организация предьявляет форму координации своей деятельности, которая становится ареной для развёртывания ценностей, для демонстрации власти и правильного поведения, которое подтверждало бы, что орга-

низация следует важным идеологическим конструктам [Feldman, March 1981: 177]. Например, в классической статье Д. Каменса рассматривается институциональное многообразие колледжей, которое объясняется ответом организаций на существование разных легитимационных мифов [Kamens 1977]. Типология мифов строилась на двух различиях: первое учитывало, обещают ли колледжи выпускникам, что они станут успешным пополнением элиты общества; второе принимало во внимание, являются ли колледжи агентами рекрутинга в корпоративную группу с сильными границами — религиозную или региональную. Для колледжа выбор легитимационного мифа означал выбор организационной структуры, которая использовалась как доказательство значимости организации для внешнего окружения — студентов и их родителей с их разными мотивами получения высшего образования. Колледжи, обещающие выпускникам светлое будущее элиты общества, подчёркивают чередой сложных экзаменов, что далеко не всем удаётся поступить в это учебное заведение и тем более его окончить. Тем самым формальная структура выступает в своём роде доказательством предназначения организации именно для такого типа выпускника.

Согласно вышеизложенным идеям нового институционализма в первую очередь исследователь должен определить характер зависимости организации от внешней среды. Важно ли для неё внешнее окружение? Какова роль «материнской» организации и организаций такого же типа? Второе, что нужно понять: каким образом организация демонстрирует соответствие представлениям внешней среды — на чём сделан акцент: на символической деятельности или на формальной структуре? И последний вопрос: какое значение это имеет для всего функционирования организации, особенно для её внутренней деятельности? Исследователи не должны останавливаться на утверждении о том, что организации следуют легитимным ожиданиям, а должны анализировать, какие изменения происходят во всей организации. Ответы на эти вопросы будут различаться для организаций в зависимости от характера их отношений с внешней средой. Применим эту логику для изучения деятельности редакции журнала «Социологические исследования» в советский этап его развития.

В социологии организаций принято считать, что академические организации относятся к тому типу, который зависит от того, насколько успешно они справляются с задачей поддержания легитимности. Для образовательных организаций остаётся неопределённым, что считать главным результатом их деятельности. Соответственно к ним в меньшей степени применима логика технической эффективности [Weick 1976]⁴. Ключевое значение приобретает институциональная среда — источник легитимационных мифов, которые делают возможным успешное существование организации [Meyer, Rowan 1977]. Формальные структуры в таких организациях стоит связывать с соображениями легитимности, но не эффективности. Если организация выполняет все правила, то считается, что она вправе оказывать те услуги, которые связаны с её деятельностью, и школы в таком случае могут выдавать аттестаты, а университеты — дипломы. Соответственно академические организации становятся особенно релевантным объектом для применения теорий нового институционализма, ведь внутренняя структура образовательных организаций в гораздо большей степени определяется правилами внешней среды, чем запросами технологического ядра [Meyer, Rowan 1977; Cameron 1984].

Однако в случае образовательных организаций СССР появляется ряд особенностей, которые не позволяют сказать, что для них отсутствовала логика технической эффективности. Организационно научные исследования были распределены по трём самостоятельным пирамидам: академическая система, возглавляемая Академией наук СССР и включающая также ряд специализированных академий и академий союзных республик; университеты и технические институты; исследовательские учреждения министерств [Грэхэм 1998]. Характерная черта развития советской науки и техники — традиция государственного контроля, которая затронула и университеты, и исследовательские учреждения. Для пер-

⁴ Обзор основных идей нового институционализма для исследования образовательных организаций см.: [Павлюткин 2007].

вых планировались численность студентов, количество специальностей и программ для каждого вуза [Кузьминов, Семенов, Фруммин 2013: 15–16]. Централизованное распределение специалистов на места работы было основано на планировании потребности в специалистах согласно дробной номенклатуре специальностей, соответственно для университетов существовал чёткий план выпуска своей «продукции» [Соколов, Волохонский 2013].

Академическая система была представлена через концепцию научно-исследовательского института, которая закрепила отделение научных исследований от процесса обучения в университетах. Исследовательские учреждения также находились под контролем: советское правительство создало «систему, при которой все исследовательские учреждения стали частью огромной государственной бюрократии» [Грэхэм 1998]. Однако характер контроля различался для социальных и естественных областей знания. Те организации, которые представляли наивысший интерес для советского государства (главным образом оборонная промышленность), существовали в логике технической эффективности, им нужно было демонстрировать достижения, которые должны были носить характер легко идентифицируемых результатов. Для организаций, которые не могли предъявить достижения такого рода, контроль носил идеологический характер: «Социальные же науки и образование в области социальных наук полностью контролировались идеологически, а их развитие определялось политическими задачами “партии-государства”» [Johnson 2008: 163] (цит. по: [Кузьминов, Семенов, Фруммин 2013: 22]).

Идеи нового институционализма позволяют описать, каким образом выстраивалась логика функционирования организаций в условиях сильного государственного контроля. Организации должны были приобрести легитимность, то есть вписаться в категории, которые были заготовлены советским правительством. Государственный патронаж — самый очевидный пример принудительного изоморфизма, под воздействием которого меняются даже такие автономные области, как наука и искусство [Useem 1976: 800]. Советская наука представляла собой административно управляемую академическую систему, в которой дисциплины должны быть вписаны в официальную идеологию предназначения науки для нужд развития советского общества. Советская социология была обязана своему появлению довольно внешним обстоятельствам, однако она все же должна была получить легитимность, сформулировав, какую пользу принесёт наука, столько десятилетий почти забытая в СССР. «Вполне оправданно будет сказать, что молчаливый союз между социологами и партией был одновременно и альянсом, и игрой, в которой каждый должен был делать уступки, и в которой у каждого было что приобрести. В партии социологи нашли для себя своих самых сильных союзников в борьбе за престиж и статус в академических кругах, но одновременно им приходилось показывать, что в их власти помогать партии в решении важных задач строительства коммунизма. Другими словами, им приходилось формулировать темы своих исследований в таком виде, чтобы ясно звучала практическая сторона, с рекомендациями для промышленного производства и для тех, кто принимает решения. Именно поэтому мы видим такой сильный уклон в социологию работы и идеологических проблем» [Beliaev, Burtorin 1982: 429].

В статье Э. Беляева и П. Бурторина подчёркивается роль КПСС в институционализации советской социологии на раннем этапе: партия в то время была самым активным агентом, который продвигал социологию в СССР. Без поддержки партийных органов не могли бы реализоваться серьёзные исследовательские начинания. Поддержка социологии имела свою выгоду для партийных функционеров не только на самом верхнем уровне, но и в местных обкомах, которые могли теперь наглядно показать, что следуют партийной инициативе, призывающей к изучению конкретной реальности [Beliaev, Burtorin 1982]. В дальнейшем интерес к социологии развивался снизу. Исследователи пишут о том, что низовое увлечение социологией стало одной из причин её дальнейшей институционализации, так как создание института и журнала как координирующих центров означало, что инициативы станут легче контролировать. Это проясняет появление журнала в 1974 г. — в нелёгкий для социологии период, когда она подверглась критике со стороны партийных органов.

Принудительный изоморфизм развивается в ситуации, когда организация зависит от единственного поставщика ресурсов [Димаджио, Пауэлл 2010: 46]. Редакцию главного и единственного советского социологического журнала мы относим к классу организаций, которые существуют в логике сильной зависимости от «материнской» организации⁵. «СоцИс» был создан по модели главного журнала одной дисциплины и должен был стать отражением всего того, что официальная идеология считала советской социологией. Ожидалось, что журнал будет образцом основных форм работы советской социологии, которые включали одновременно академическую и прикладную составляющие.

Редакции научных журналов обладают двумя стратегиями, сигнализирующими о том, что издание вписывается в нужную категорию. Первая стратегия связана с их главным продуктом — содержанием журнала, которое представлено в наборе рубрик и статей. Редакторы могут выбирать, как тематически организовать публикационное пространство журнала. Они могут жёстко сформулировать названия рубрик по каким-либо принципам и неуклонно этому подчиняться, а могут вовсе отказаться от рубрик и гибко менять структуру журнала. Вторая стратегия подразумевает акцент на производственной деятельности редакции, её формальной структуре, которая становится сигналом легитимного поведения организации. В этом случае редакция может показывать, как через процедуру поиска и отбора статей она следует принятому представлению о том, как должен быть устроен справедливый отбор рукописей⁶. Тезис этой статьи заключается в том, что для журнала «СоцИс» релевантной оказалась стратегия, связанная с организацией публикационного пространства в соответствии с официальной идеологией о предназначении советской социологии, тогда как форма координации внутренней деятельности редакции оставалась на периферии внимания. Однако в том случае, когда имеет значение содержание журнала, это сказывается и на выстраивании формы координации деятельности журнала. Само наличие символической деятельности определяет особенности производственного процесса редакции [Meuer, Rowan 1977]. Церемониальные элементы организаций не возникают из ничего. Зачастую они требуют реорганизации всей внутренней работы организации, чтобы достичь желаемого внешнего эффекта.

Содержание журнала через классификацию рубрик должно было отразить ключевые задачи советской социологии. Рубрики стали тем сигналом, демонстрацией, заявлением и подтверждением лояльности редакции, которые требовались от неё для продолжения своей деятельности. В центре внимания статьи находится эволюция классификационного порядка рубрик, которая разворачивалась на страницах «СоцИса» с момента его создания в 1974 г. и вплоть до перехода советской социологии в постсоветскую. В заключении мы вернемся к вопросу о том, какие последствия для редакции имела необходимость выстраивания особого содержания журнала.

⁵ Организациям недостаточно приобрести легитимность лишь однажды, зачастую они должны соответствовать ожиданиям и дальше. Если организация этого не делает, то последствия могут быть печальными для её существования в прежнем виде. В случае журнала «СоцИс» закрытие было вовсе необязательным, но вполне вероятным можно считать смену главного редактора и редколлегии, как это случилось с журналом «Вопросы философии» [Гудков, Дубин 1994]. К сожалению, сами механизмы контроля журнала пока остаются доподлинно неописанными. В статьях, посвящённых истории советской социологии, отдельно упоминается партийный контроль, а также контроль со стороны Академии наук. Особую роль играл Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС, а также Отделение философии и права в Академии наук [Beliaev, Burtorin 1982]. В интервью редакторы упоминают, что сверстанные номера читались в ЦК, однако подробный анализ взаимодействия редакции и контролирующих органов пока остался без внимания со стороны историков советской социологии.

⁶ Пример общих американских социологических журналов показывает, что ключевое значение имеет аудитория профессиональных авторов, для которых важны прозрачность и открытость процедуры, гарантирующие справедливую оценку рукописей с обязательным «слепым» рецензированием всех рукописей и опорой на внешних рецензентов. Редакции журналов, ощущая свою ответственность, прикладывают все усилия для того, чтобы решения о судьбе рукописей были объективны. Более полно анализ случая американских социологических журналов с позиции неинституциональной теории организаций см.: [Губа 2015].

Данные

Временные рамки исследования, как уже отмечалось, ограничиваются советским периодом: 1974–1991 гг. Ограничение вызвано стратегией анализа функционирования журнала в контексте форм работы советских социологов. Политические перемены имели своё значение и для социологии, статус которой изменился в 1990-х гг., когда завершилась её институционализация: открылись социологические факультеты, были созданы новые исследовательские центры, изменился характер финансирования и, что самое важное, появились новые социологические журналы. Всё это имело значение и для «СоцИса», поэтому этот период требует отдельного внимания со стороны исследователей. Настоящая статья основывается на следующих данных:

- все выпуски журнала «СоцИс» за 1974–1991 гг. принимались во внимание для изучения эволюции рубрик. Была составлена база данных, в которой перечислены все рубрики и количество опубликованных в них статей. Всего было обработано 7784 статьи и 160 названий рубрик. Мы также просматривали все выпуски журнала за указанный период, отмечая события, относящиеся к редакционной жизни, о которых обычно рассказывалось в рубрике «Научная хроника». К таким событиям относятся сообщения о круглых столах в редакции, её участии в социологических исследованиях, о редакционных совещаниях, отчётах редакции перед партийными органами, обсуждении журнала в органах ЦК;
- полуформализованные интервью с редакторами журнала «СоцИс». Интервью были направлены на сбор информации о том, как издавался журнал в советское время и каковы особенности его внутренней деятельности на настоящий момент. Всего было собрано восемь интервью, из которых четыре — с советскими редакторами;
- сведения об авторах журнала «СоцИс» (1975–1982 гг.): пол, научная степень, академический ранг, аффилиация с академическими институтами и университетами, местонахождение организации. Эта база данных использовалась для сопоставления, показывающего, как распределялись авторы в рубриках журнала, и позволила прояснить статусную структуру публикационного пространства⁷.

За скобками настоящей публикации остаётся анализ содержания самих статей. Мы исходим из того, что регулировалась в первую очередь структура журнала, оставляя относительную свободу авторам в том, как и о чём писать научные статьи. Рубрики являются тем элементом внешнего облика журнала, который легко считывается условным наблюдателем, заинтересованным в том, чтобы журнал выполнял свои функции главного печатного издания советской социологии. Отслеживание контролирующими органами содержания всех научных статей потребовало бы огромных издержек, кроме того, тексты всегда оставляли пространство для толкования позиции автора. Это не означает, что контроль за содержанием текстов отсутствовал вовсе. Свобода авторов действительно была относительной, поскольку существовал набор обязательных элементов, которые должны были присутствовать в научном тексте и отличали его от «нормальной человеческой речи» [Кон 2008: 15]. Однако всё же «существующий канон в виде своеобразного стиля теоретизирования оставлял место и для свободомыслия, и для школьного прилежания, и для плюрализма мнений [Батыгин 1998: 24]. Учёные умели выражать наиболее важные идеи между строк, вступая в прямую конфронтацию с системой. Возможно, следуя требованиям эпохи, структура журнала стала своего рода жертвой, которая позволила советским социологам писать научные статьи с помощью «внутренней, семантически стратифицированной речи, непроницаемой для внешнего контроля» [Фирсов 2001: 116].

⁷ См. подробнее: [Костенко, Яковлев 2014]. Я благодарна Веронике Костенко (НИУ ВШЭ) за любезное предоставление исходной базы данных, которая была модифицирована автором статьи для данного исследования.

«СоцИс» в первое десятилетие: период стабильности

Официально возрождение советской социологии относят к моменту создания Советской социологической ассоциации в 1958 г., главная задача которой заключалась в представительстве советских учёных на международных конгрессах [Фирсов 2001; Соколов 2011]. Западная буржуазная наука должна была в какой-то момент услышать критику в свой адрес, поэтому руководство стало принимать приглашения от международных ассоциаций выступить с докладами от лица советской науки. Формы работы советской социологии затрагивали научную и прикладную составляющие. Необходимость принятия рациональных решений, «как того требовал основной легитимационный миф советского государства, создавала нишу, которую должна была заполнить какая-то разновидность социальных исследований» [Соколов 2011: 41]. Для рациональных решений нужно было владеть информацией о происходящем, именно социологи могли стать источником такой информации. Партийные круги особенно поддерживали прикладное предназначение социологии, которая позволяла приблизиться к решению трудных проблем индустриального управления, пропаганды и развития общества в целом [Shalin 1990]. Прикладные исследования как форма работы советской социологии не могли обойтись без научного сопровождения исследований. Должны были быть не только заводские социологи, но и те, кто писал статьи о социальной структуре советского общества или о социологии труда, а также создавал методологические и методические инструменты, которые можно было использовать в работе прикладного характера [Соколов 2011: 41]. Журнал должен был отразить на своих страницах обе ипостаси советской социологии — и научную, и прикладную её составляющие.

Прежде чем в 1974 г. появились «Социологические исследования», периодическим изданием советской социологии можно было считать семь выпусков «Социальных исследований», первый из которых вышел в 1965 г. под эгидой Института философии и Советской социологической ассоциации. Все эти выпуски не совсем соответствовали формату журнала, с каждым выпуском менялись тираж и выпускающий редактор. Отсутствовала устойчивая структура публикационного пространства, что делало выпуски в большей степени похожими на коллективную монографию.

В 1974 г. было принято постановление о создании специального периодического издания. Журнал должен был выходить четыре раза в год. В 1987 г. он стал выходить раз в два месяца, а с 1990 г. стал издаваться ежемесячно. Главным редактором стал А. Г. Харчев (работал в этой должности в 1974–1987 гг.), была создана редакционная коллегия, в которую вошли известные советские социологи, однако основную работу выполняла редакция. Функционально содержание журнала можно разделить на вводную часть (передовая статья от редколлегии), основную часть (рубрики) и заключение (рецензии и новости о конференциях и семинарах)⁸. Порядок размещения рубрик указывает на символическую значимость разных разделов. Примерно также в крупных газетах выпуск открывается серьёзной аналитикой или главными новостями, а заканчивается анекдотами и кроссвордами.

Стержень журнала

Первые страницы журнала отводились так называемым передовицам, которые писались главным редактором или его заместителями и обычно оставались неподписанными⁹. Имя указывалось только в том случае, если номер открывался автором, который не имел отношения к редакции. В этом угадывается подражание газетному жанру — именно оттуда в журнал и пришёл сам термин [Юрчак 2014],

⁸ В каждом номере публиковались примерно 20 статей, несколько обзоров и коротких исследовательских заметок, а также сообщения о главных событиях в советском социологическом сообществе [Greenfeld 1988]. Л. Гринфелд выбрала для анализа 13 выпусков журнала «СоцИс» за 1974–1986 гг. Она подсчитала количество статей в рубриках, проанализировала распределение авторов и характер цитирования источников.

⁹ В 1974–1984 гг. вышли 42 номера; передовые статьи появились в 28 выпусках, лишь три из них были подписаны.

которым в редакции называли открывающую номер статью. Их безличный характер отражал не мнение редакции, а установки всей советской социологии. Анонимность, кажется, только подчёркивала основательность позиции, которая высказывалась не от имени конкретного человека, но от лица всей советской социологии через её главный печатный орган.

Передовые статьи делились на два типа, каждый из которых был достаточно важен, чтобы появиться на первых страницах журнала. Во-первых, это установочные статьи, в которых постулируется роль и значение социологии для развития советского общества. Риторика воспроизводила политические образцы, текст включал ссылки на постановления партии, материалы последнего съезда, классиков марксизма. Всё это дополнялось рассказом о достижениях, обязательно присутствовал критический компонент — сообщение о том, что ещё недостаточно изучено. Статьи вроде «Советская социология накануне XXV съезда КПСС» или «Социологические исследования — на службе строительства коммунизма» дополнялись более специальными программными заявлениями о развитии социологических исследований в идеологической или хозяйственной работе. Во-вторых, на «первую полосу» журнала попадали статьи, приуроченные к важнейшим событиям символической жизни страны или к специальным задачам партийного съезда. По названиям видно, что такие статьи могли появиться и в журнале с иной дисциплинарной принадлежностью: «Победа над фашизмом и общественно-политическое развитие современного мира», «Товарищу Брежневу Леониду Ильичу», «Великий Октябрь и современное социальное развитие», «Выступление генсека ЦК Брежнева при вручении ему золотой медали им. К. Маркса». Такие материалы особенно ярко указывают на подчинённое положение дисциплины, вынужденной демонстрировать символическое единство с политической жизнью советского общества.

Далее шли рубрики, которые состояли из трёх блоков: «Теоретические проблемы социологии», «Методика и техника социологических исследований», «Прикладные исследования» — типовая трёхчастная структура, предписываемая советской эпистемологией. Субдисциплинарные деления редко нарушали установившиеся деления, лишь иногда дополняя «стержень» журнала (см. табл. 1). Простота структуры журнала во многом связана с историей появления социологии в советском пространстве, которая в 1960-е гг. возродилась в форме конкретных социальных исследований. Статус дисциплины как самостоятельной науки с собственным теоретическим аппаратом, что было привычно для западных исследователей, в советских условиях был поставлен под сомнение. Деятельность научных сотрудников-социологов должна была соответствовать установкам марксистско-ленинской философии. В тех обстоятельствах советская социология могла занять только подчинённое положение как конкретная прикладная наука; общей теорией ведал исторический материализм: «Считалось, что есть высший этаж социологического знания — общая теория. Ниже располагаются специальные социологии, вроде социологии труда, науки, свободного времени и тому подобное. Ещё ниже — “эмпирические”, или “прикладные”, социологические исследования» [Филиппов 2013].

Такая структура была перенесена на основные разделы журнала, которые представляли советскую социологию как дисциплину через совокупность теории, методологии и прикладных исследований¹⁰.

¹⁰ Из интервью с редактором, работавшим в «СоцИсе» в советское время:

Интервьюер. Если говорить о структуре рубрик, обсуждалось ли как-то возникновение новой рубрики? Чьей инициативой они были? Вот, например, с той же заводской социологией?

Респондент. Подспудно присутствовала идея трёхуровневого строения социологии, то есть теория, методы и эмпирическая социология. Основные рубрики из них выростали. Всё, что было связано с практикой (вот с заводской социологией), пытались на передний план вытеснить. Естественно, как во всяком журнале, были рубрики, посвящённые научной жизни, потому что журнал должен освещать научную жизнь и выход книг.

Таблица 1

Список наиболее значимых рубрик (1974–1984 гг.)

Рубрики	Количество статей
Факты. Комментарии.	183
Теоретические проблемы социологии	143
Прикладные исследования	96
Методика и техника социологических исследований	81
Критика современных буржуазных социологов	62
Навстречу Всемирному конгрессу	50
Социологическая наука и практика	41
Вступительное слово–передовица	25
Социальное планирование	20
Из истории социологической мысли	27
Социология за рубежом	22
ВСЕГО	750

Соответственно теоретические статьи делились на два класса: статьи программного характера, которые посвящались положению социологии относительно истмата, и статьи, обсуждающие различные социальные феномены или социологические концепты [Greenfeld 1988]. Как пишет Гринфелд, программные статьи были похожи на материалы, публиковавшиеся в других журналах, например, в «Вопросах философии». В статьях непрограммного характера, посвящённых отдельным феноменам или концептам, присутствовала критика западной интерпретации этих феноменов или концептов и провозглашалась необходимость использования марксистско-ленинской интерпретации [Greenfeld 1988]. Рубрики с теоретическими статьями занимали самое важное место — ими журнал открывался, в них публиковались самые большие по объёму статьи, а их авторов отличал высокий академический статус. Мы проанализировали распределение авторства по разным разделам журнала за восемь лет (1975–1982 гг.) (см. табл. 2)¹¹. Таблица сопряжённости показывает, что распределение авторов по академическому рангу не является случайным. Одни рубрики зарезервированы за авторами высокого ранга, в других появлялись статьи, даже если у автора не было учёной степени. Самым статусным оказался теоретический раздел журнала: из всех 63 статей, написанных академиками и членами-корреспондентами, 47 посвящены теории (в этом же разделе находится и самая высокая концентрация авторов — докторов наук). Следующая статусная категория — раздел с отраслевой социологией, где почти нет статей академиков, но примерно поровну статей докторов и кандидатов. Примерно то же положение занимает категория «Обзоры», куда вошли статьи, преимущественно посвящённые истории социологии и состоянию марксистской социологии за рубежом. «Методы» чуть менее статусные — статьи писались в основном

¹¹ К категории «Теория» мы отнесли рубрики, заявленные для обсуждения теоретических и методологических проблем социологии, а также ряд рубрик, в которых публиковались статьи о состоянии дисциплины. Некоторые из этих статей были приурочены к международным конгрессам, съездам партии и отчётным конференциям Советской социологической ассоциации. В категорию «Специальные вопросы» объединены рубрики, которые публиковали статьи, посвящённые субдисциплинарным областям или отдельным эмпирическим вопросам (например, такие рубрики, как «Социальное планирование», «Социальные проблемы развития современной советской деревни», «Социологические проблемы труда и трудовых коллективов»). «Методы» и «Критика буржуазной социологии» включают одноимённые рубрики журнала. Категория «Практика» объединяет рубрики, созданные для статей об эффективности идеологической работы и производственных процессов (например, такие рубрики, как «Социологическая практика», «Социологическая наука — практике идеологической работы», «Партийная и комсомольская учеба»). Категория «Обзоры» объединяет рубрики, в которых публиковались преимущественно дискуссии, размышления о новых книгах, реферативные материалы. «Прикладные исследования» включают собственно одноименную рубрику, а также небольшие исследовательские заметки, которые входили в рубрику «Факты. Комментарии. Заметки».

кандидатами наук. Наконец, наименьшим статусом обладает категория «Прикладные исследования» со статьями аспирантов или авторов без научной степени.

Статусный порядок сохраняется, если мы посмотрим на географическое — по месту проживания авторов — распределение статей (см. табл. 3). Первое, что заметно, это доминирование в целом московских статей (636), затем идут статьи из республик (120), Ленинграда (89), регионов (72), из стран — участниц Варшавского договора (21). При этом доминирование московских статей не равномерно распределено и особенно характерно для теоретических статей и для рубрики «Критика буржуазной социологии» (77% всех статей этой рубрики — московские), что не удивляет, ведь зарубежная литература оседала преимущественно в московских спецхранах. Разница особенно заметна между «Прикладными исследованиями» и остальными категориями — среди прикладных статей меньше половины написаны авторами из Москвы; на втором месте статьи из республик; здесь же самое заметное присутствие региональных статей. Схожие результаты о статусе разных специализаций были получены на основе данных о членстве в секциях Советской социологической ассоциации [Соколов 2015].

Таблица 2

**Распределение разделов журналов
в зависимости от статуса авторов статей (1975–1982 гг.)***

Статус	Категории							Всего
	Теория	Специальные вопросы	Методы	Критика буржуазной социологии	Практика	Прикладные исследования	Обзоры	
Нет	19 (7,3%)	22 (20,4%)	33 (28,7%)	16 (19,8%)	19 (25,7%)	76 (28%)	13 (16,9%)	198 (20,1%)
Академик, член-корреспондент	47 (18,1%)	3 (2,8%)	0	4 (4,9%)	3 (4,1%)	0	6 (7,8%)	63 (6,4%)
Доктор наук	107 (41,3%)	35 (32,4%)	14 (12,2%)	17 (21%)	15 (20,3%)	33 (12,2%)	24 (31,2%)	245 (24,9%)
Кандидат наук	80 (30,9%)	40 (37%)	54 (47%)	38 (46,9%)	34 (45,9%)	113 (41,7%)	24 (31,2%)	383 (38,9%)
Аспирант	5 (1,9%)	7 (6,5%)	10 (8,7%)	6 (7,4%)	3 (4,1%)	26 (9,6%)	2 (2,6%)	59 (6%)
Неизвестно	1 (0,4%)	1 (0,9%)	4 (3,5%)	0	0	23 (8,5%)	8 (10,4%)	37 (3,8%)
Всего	259	108	115	81	74	271	77	985

* Хи квадрат равен 245,319. Уровень значимости < 0,001.

Социология — практикам

Из того, что мы знаем о советской социологии, следует: только научными её формы работы не ограничивались, но включали практическую деятельность. Развитие социологии дало надежду партийной бюрократии, что она поможет ей лучше понять такие важные вопросы, как влияние человеческого фактора на увеличение производительности труда и эффективности пропаганды [Beliaev, Burtorin 1982]. Редакция журнала «СоцИс» также стремилась внести свой вклад в решение практических задач и неоднократно писала в своих передовицах о важности внедрения в практику управления и планирования научно обоснованных социологических рекомендаций на хозяйственных предприятиях и в партийных организациях. За рекомендации предприятиям отвечали заводские социологи, с деятельностью которых связывали возможность повышения производительности рабочего труда. Партийные организации

должны были использовать результаты исследований для улучшения пропагандистской работы. Аудитория «СоцИса» впоследствии описывалась с некоторым неодобрением: «Журнал имеет своими адресатами партийных пропагандистов (приближаясь в этом смысле к “Блокноту агитатора”) либо приобрёл функции элементарного пособия по социологии для начинающих социологов, преимущественно заводских» [Гудков, Дубин 1994].

Таблица 3

**Распределение разделов журналов
в зависимости от статуса авторов статей (1975–1982 гг.)***

Регион	Категории							Всего
	Теория	Специальные вопросы	Методы	Критика буржуазной социологии	Практика	Прикладные исследования	Обзоры	
Москва	200 (77,2%)	75 (69,4%)	79 (68,7%)	62 (76,5%)	46 (62,2%)	124 (45,8%)	50 (64,9%)	636 (64,6%)
Ленинград	30 (11,6%)	13 (12%)	5 (4,3%)	4 (4,9%)	6 (8,1%)	26 (9,6%)	5 (6,5%)	89 (9%)
Регионы	11 (4,2%)	12 (11,1%)	9 (7,8%)	3 (3,7%)	4 (5,4%)	33 (12,2%)	0	72 (7,3%)
Республики	11 (4,2%)	7 (6,5%)	15 (13%)	7 (8,6%)	17 (23%)	59 (21,8%)	4 (5,2%)	120 (12,2%)
Страны — участницы Варшавского договора	3 (1,2%)	0	3 (2,6%)	1 (1,2%)	0	4 (1,5%)	10 (13%)	21 (2,1%)
Другое	0	0	2 (1,7%)	1 (1,2%)	0	0	5 (6,5%)	8 (0,8%)
Неизвестно	4 (1,5%)	1 (0,9%)	2 (1,7%)	3 (3,7%)	1 (1,4%)	25 (9,2%)	3 (3,9%)	39 (4%)
Всего	259	108	115	81	74	271	77	985

* Хи квадрат равен 215,662. Уровень значимости < 0,001.

Важную роль играла рубрика «Социологическая наука и практика», которая была связана с задачей журнала отражать социологическое изучение идеологических процессов. Статьи, как уточняла редакция, предназначались пропагандистам системы партийной и комсомольской учёбы, всем изучающим курс «История КПСС», руководителям школ научного коммунизма. Редакция прилагала особые усилия, чтобы собрать материалы для этой рубрики: организовывала круглые столы, в которых принимали участие социологические центры, научные кафедры, обкомы или горкомы партии. За десятилетний период редакция приняла участие в семи круглых столах, из них три касались социальных аспектов эффективности общественного производства. В остальных случаях встречи были направлены на обсуждение социологических проблем эффективности идеологической деятельности. Редакция также регулярно встречалась с представителями партийных структур, которые использовали социологические исследования в своей деятельности. Одна из таких встреч состоялась как совещание секретарей горкомов и райкомов КПСС и работников социологических лабораторий при партийных организациях Ставропольского края. Обсуждение материалов, посвящённых проблемам идеологической работы, подчеркнуло обязанности журнала как посредника между научными учреждениями и практическими работниками [Научная хроника 1979: 229].

Борьба с «буржуазной» социологией

Одной из заявленных задач журнала провозглашалось развитие «идеологического сотрудничества братских партий и народов стран социалистического содружества, совместной идейно-теоретической деятельности по укреплению интернациональной духовной общности, усилению борьбы против буржуазной идеологии социал-реформизма, маоизма и ревизионизма» [Развитие... 1974: 3–11]. Редакции нужно было прояснить статус отношений советской социологии с другими социологиями, развивающимися в иных политических устройствах. Граница проводилась в политическом про-странстве, которое делилось на социалистические и капиталистические государства. Были также разграничены исторические периоды, поэтому необходимо было решить, каким статусом наделять дореволюционную российскую социологию. Редакция использовала три стратегии для того, чтобы демонстрировать свой отпор «буржуазной» науке.

Во-первых, символически важную роль играла рубрика «Навстречу Всемирному конгрессу», которая появлялась задолго до самого конгресса как подготовка к выступлению перед социологами из «буржуазных» стран. Рубрика должна была показать успешную роль советских социологов, которым партия доверила представительство на чужой — враждебной — политической площадке. Советская социология была возрождена в том числе и для того, чтобы продемонстрировать «буржуазным» учёным собственные успехи. На страницах журнала публиковались программные доклады советских социологов, участников конгрессов. Символическая значимость этой задачи подтверждается тем, что в структуре журнала эта рубрика занимала самое важное место — располагалась на первых страницах.

Во-вторых, осуществлялся критический разбор «буржуазных» социологических концепций, делался акцент на проблемах капиталистического общества¹². Наступление велось через рубрику «Критика современных буржуазных социологов», а также в статьях раздела «Социальные проблемы современного буржуазного общества», который должен был раскрыть все беды капитализма. В рубрике появлялись переводы статей западных авторов, если эти статьи повествовали о таких проблемах, как алкоголизм, наркомания, неравенство и т. д. Однако чаще в рубрику входили обзоры этих проблем, сделанные советскими авторами по материалам западных источников.

Третья стратегия была связана с сотрудничеством между советскими социологами и блоком социалистических стран. Рубрика «Социологическая мысль за рубежом» была предназначена только для авторов из социалистических стран Восточной Европы. Основной массив публикаций состоял из рукописей социологов из Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Румынии и Чехословакии. На страницах «СоцИса» легитимно зарубежная социология могла существовать лишь как продолжение советской социологии¹³.

Политические тонкости следовало принимать во внимание не только при классификации авторов одной эпохи, но и при обращении в прошлое, когда нужно было решить, может ли та или иная книга или статья входить в социологическое наследие. Легитимным было писать статьи о Н. Г. Чернышевском, А. В. Луначарском, С. Г. Нечаеве или о первых социологических исследованиях бюджетов времени, труда и воспитания, половой морали 1920–1930-х гг. Основной массив статей указывает на стремление

¹² О важности классового позици, когда социологические работы дифференцировались в зависимости от того, чьи интересы и взгляды выражали их авторы, см.: [Фирсов 2001: 66].

¹³ На это указывает набор зарубежных социологических журналов, содержание которых публиковалось в конце номера для знакомства с исследовательскими направлениями. В этот список не входит ни один западноевропейский журнал, не говоря уже об американских изданиях. Во многих других советских гуманитарных журналах происходило то же самое. Например, «Вопросы философии» и «Философские науки» делали рецензии и обзоры из социологических журналов только социалистических стран [Weinberg 2004: 49].

выстроить историю, скорее, марксистской социологии. Для этих целей едва ли подходили французские или немецкие тексты основателей социологии, которые были ответственны за появление социологии в её «буржуазном варианте». Русская же социология также едва могла быть использована, например, тексты П. А. Сорокина впервые появились в журнале только в 1987 г. с осторожной сопроводительной статьёй от имени редакции¹⁴. Описанный выше способ представления зарубежной и «буржуазной» социологии начинает размываться уже во второе десятилетие существования журнала, когда на его страницах появляется всё больше переводов так называемых буржуазных авторов. Переводы или критические статьи должны были тем не менее сопровождаться ссылкой на существование методологических принципов оценки трудов западных обществоведов с целью усвоения их «позитивных завоеваний».

Итак, логика появления и исчезновения рубрик показывает предзаданность основных направлений главными партийными задачами — такими как идеологическая деятельность, управление народным хозяйством, борьба с буржуазной социологией. Новый период в развитии советского общества переориентировал деятельность журнала на новые темы, которые, однако, не противоречили кардинальным образом условиям государственного патронажа.

Перестройка общества — перестройка журнала

В 1986 г. прозвучал призыв Т. И. Заславской, президента Советской социологической ассоциации, превратить социологию в инструмент перестройки. Она критиковала советскую социологию за отсутствие интереса к формированию нового курса — место социологов было занято писателями и художниками [Shalin 1990]. В последующие несколько лет советские социологи, однако, с энтузиазмом приняли участие в формировании политической повестки страны: «Советские социологи... претендовали на специальный статус для своей науки, видя в ней инструмент социальной реконструкции» [Shalin 1990: 1024]. Взамен они получили завершение институционализации. Самой важной датой в этом процессе стало постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» (июнь 1988 г.), которое показало, что партия поддерживала стремление социологов помочь перестройке [Shalin 1990]. Это постановление санкционировало переименование Института социологических исследований в Институт социологии, дало разрешение на увеличение количества выпусков «СоцИса» (журнал вскоре стал ежемесячным). Ведущим университетам было предписано открыть учебные программы по социологии, разработать учебный план, подготовить и выпустить учебную литературу. В постановлении речь также шла о создании Центра по изучению общественного мнения [О повышении роли... 1988]. Зелёный свет был дан всему, что было упущено в предыдущие десятилетия.

Роль журнала в происходящих процессах постулировалась как «надёжный инструмент перестройки». При такой постановке задачи социология превращается в инструмент преобразований, не только предоставляющий социальную экспертизу происходящих реформ и процессов, но и разрабатывающий отдельные вопросы и направления перестройки. Политические перемены далеко не для всех журналов по социально-гуманитарным наукам означали стремление в них поучаствовать. Многие издания сохранили ориентацию на узкую академическую специализацию, однако от журнала советской социологии ожидалось, что он не останется в стороне от широко обсуждаемых процессов¹⁵. Социологи должны

¹⁴ С 1987 г. редакция начинает публиковать материалы, посвящённые П. А. Сорокину, в частности его переписку. Подборке писем предшествовало небольшое вступление, в котором указывалось на признание Сорокиным «прогрессивно-исторического значения социалистических преобразований в стране». Кроме того, цитировалось мнение В. И. Ленина о П. Сорокине: «Мысли Сорокина помогут советским и зарубежным специалистам глубже, объективнее осмыслить его сложное и противоречивое наследие» [Социологическое наследие 1987: 45].

¹⁵ В конце 1980-х гг. тиражи научных социально-гуманитарных журналов в основном падали. Например, «Вопросы истории естествознания и техники» — падение тиража почти вдвое, «Вопросы литературы» — на 40% [Гудков, Дубин 1994].

были создать целостный проект перестройки социальной сферы, а также проанализировать социальные аспекты демократизации [Быть в авангарде перестройки 1988: 3–5]. В 1988 г. при обсуждении новых задач журнала был сформулирован ряд требований: «Первое — содействие перестройке в нашей стране, в том числе и в общественных науках; второе — профессионализм в подготовке материалов; третье — доступное для широкого читателя изложение» [Каким быть журналу 1988: 138–139].

Структура рубрик за этот период показывает, каким образом воплощалась заданная журналу роль «инструмента перестройки». Изменения происходили не сразу, захватывали самые разные рубрики, начиная с передовых статей и заканчивая переориентацией традиционных разделов. Первая передовица о перестройке появилась в третьем номере журнала за 1987 г. и называлась «Социология в контексте революционной перестройки общества». С этого времени тематика рубрик начинает дополняться, возникают новые разделы, одни — на протяжении всего периода перестройки, другие — лишь в нескольких номерах (см. табл. 4, 5). Распределение по годам количества рукописей, опубликованных в «перестроечных» рубриках, показывает, когда зарождался интерес к политическим преобразованиям, когда он достиг своего предела, а когда началось снижение интереса к этой тематике.

Таблица 4

Список наиболее значимых рубрик (1985–1991 гг.)

Рубрики	Количество статей
Факты. Комментарии. Заметки	178
Прикладные исследования	143
Социологическое наследие	75
Социология за рубежом	51
Дискуссии	39
Методология СИ (разные рубрики)	38
Консультации	29
Навстречу XXVII съезду КПСС	28
Социологическое обеспечение экономической реформы	23
Социальные проблемы зарубежных стран	22
Социальные реалии вчера и сегодня	21
Всего	647

Постоянные рубрики «Теоретико-методологические проблемы», «Методика и техника социологических исследований», «Прикладные исследования» остались стержнем журнала, правда, подверглись изменениям. Сохранился отдельный раздел с теорией, однако статей в нём стало намного меньше (всего было опубликовано 12 статей)¹⁶. Место теории фактически заняли новые перестроечные рубрики. Сравнение списков самых популярных рубрик за два разных периода — 1974–1984 и 1985–1991 гг. (см. табл. 1, 4) — показывает, что взаимные пересечения остались между рубриками «Факты», «Прикладные исследования», «Социология за рубежом» и «Социологическое наследие», если материалы этой последней рубрики приравнять к «Истории социологической мысли». Однако количество публикаций заметно различается. Многие рубрики первого периода существования журнала или вовсе ушли, или не попали в основной список, поскольку в них печаталось мало статей. Среди исчезнувших разделов — «Критика буржуазной социологии», «Социологическая наука и практика», «Социальное планирование» и передовые статьи, раньше публиковавшиеся в начале почти каждого выпуска¹⁷.

¹⁶ В таблице 4 не отражена эта рубрика, так как находится в низу всего списка рубрик.

¹⁷ Статьи, посвящённые западной социологии, продолжали печататься в журнале, но теперь они располагались в иных рубриках, например, в разделах «Социологическое наследие» и «Социология за рубежом», ранее зарезервированных для классиков марксистской мысли и исследователей из дружественных СССР стран.

Таблица 5

Новые «перестроечные» рубрики (1987–1991 гг.)

«Перестроечные» рубрики	1987	1988	1989	1990	1991
	Количество статей				
Преподавание общественных наук: пути перестройки	2				
Навстречу XIX партконференции: теория и практика социальных преобразований	3	14	6		
Передовые статьи	2	4	1		
Демократизация общественной жизни		7	2	8	2
Политика. Демократия. Личность			8	4	1
Теория и практика социальных преобразований			1		
Общественная трибуна учёного			1		
Социологическое обеспечение экономической реформы				16	7
Трибуна депутата				1	
Всего	7	25	19	29	10

С наступлением гласности исчезла необходимость во многих рубриках. Критика буржуазной социологии была связана с идеологическими задачами противостояния капиталистическому устройству общества. Рубрика «Социология и практика» отсылала к применению социологических исследований в идеологической работе идейно-воспитательного характера. «Социальное планирование» связывало социологию с возможностями эффективного управления народным хозяйством. Все эти задачи для советской социологии, ранее прописанные в партийных документах, постепенно теряли свою актуальность. Вместе с тем теряло смысл и сохранение этих рубрик, что не означало полное отсутствие связи с практической составляющей советской социологии. Скорее, эта составляющая получила иное наполнение, связанное с перестройкой. Новый облик журнала по-прежнему соответствовал политическим задачам, а не концептуальным различиям социологии как науки. Происходило это одновременно с сокращением количества статей в традиционных рубриках, посвящённых теории и методологии социологических исследований. Журнал стал чаще выходить: шесть номеров вместо четырёх в 1986 г. и двенадцать вместо шести в 1990 г. Но, несмотря на увеличившееся количество номеров, редакция публиковала всё меньше и меньше рукописей по теории и методологии. Даже если объединить различные вариации «методологических» рубрик в одну категорию, общее количество рукописей не превысит 40 публикаций за период перестройки, в то время как за первый период существования журнала их появилось вдвое больше.

Ориентация на широкий круг читателей не ограничивалась только новыми темами, связанными с политическими процессами. Новым читателям нужны были сюжеты со своей долей волнующего и ранее запретного: «За читателя приходится бороться, вводя, в частности, и некоторую публицистичность» [Каким быть журналу 1988: 138–139]. Новое содержание связывалось с рубрикой «Социологическая публицистика», которая впервые появилась в 1985 г. Её главным отличием стали статьи на темы, за которые редко брались социологи. Редакция не делала никаких попыток встроить их в социологический канон советского образца; статьи писались как заметки или рассказ о собственном опыте. Иногда авторы пользовались письмами с историями из жизни, которые обычные люди присылали в центральные газеты. Для многих читателей публицистическая рубрика являлась одним из самых интересных разделов журнала (о чём можно судить по опубликованным письмам читателей); в ней печатались такие материалы: статья о молодёжи «По ком звонит колокольчик»; «Узы брака и узы свободы» — итог «включённого наблюдения» и анализа писем, пришедших в ответ на одну из публикаций в массовом издании; «Феномен анонимки» — текст, который построен на рассказах о роли анонимок в жизни отдельных

людей. Две статьи носили ещё более провокационный характер; одна называлась «Под страхом ужаса» и была посвящена нарушению закона сотрудниками правоохранительных органов; вторая — «Короли и пешки» — касалась неуставных отношений в советской армии и собрала много читательских откликов, которые приходили и месяцы спустя после выхода статьи.

В первое время основными авторами публицистических материалов были журналисты и писатели. Социологи признавали, что их собственные статьи тоже должны привлекать внимание, подозревая, что журналисты и писатели вторгаются в область, которую советские социологи хотели бы оставить за собой: «К сожалению, уровень работы социологов пока значительно ниже того, на котором анализируют действительность наша публицистика» [Каким быть журналу 1988: 140]. В последующие годы в журнале появится рубрика, в которой сконцентрировалось всё самое волнующее читателя эпохи перестройки, а также начинает меняться облик традиционных рубрик. В них публиковались статьи, посвящённые новым проблемам общества. Их отличали громкие заголовки, сразу привлекающие внимание: «За колючей проволокой — другая жизнь», «Наркотики в армии», «Преступная страсть». Попытки увлечь читателя были самыми разнообразными¹⁸. Например, редакция публиковала провокационные воспоминания пенсионера А. Т. Рыбина об И. В. Сталине, главы из книги Э. Карнеги, социологический юмор и даже кроссворды¹⁹.

Риторически массовый читатель журнала появился ещё до начала масштабных реформ в СССР и знаменитого постановления об изменившейся роли общественных наук 1988 г.²⁰. Однако по-настоящему массовая аудитория у журнала возникла в разгар перестройки, когда за один месяц тираж журнала увеличился в полтора раза и дальше продолжал расти²¹. Внимание к массовому читателю требовало улучшения содержания и формы рукописей. В основном редакция отмечала недостатки, связанные с формой, — излишний академизм, обилие формул и таблиц и отсутствие увлекательности изложения: «Нередко отсутствие свежей мысли маскируется хитросплетением наукообразных терминов, сопровождается бездушным, маловразумительным стилем изложения» [Автор — редакция — читатель 1984: 39]. Неоднократно звучали упреки в академической «бесстрастности» — в увлечении формальным аппаратом, который «лишь отпугивает читателя, если употребляется единственно для придания тексту наукообразия и усложнённости» [Научная хроника 1987: 122]. Редакторы предлагают авторам писать более живые тексты, не только и не столько ориентируясь на «Социологические исследования» как на научно-информационное издание, сколько рассматривая его в качестве общественно-политической трибуны.

Итак, в годы социальных и политических преобразований роль журнала была переосмыслена, что связано с перестройкой журнала вместе со всем остальным обществом. «СоцИс» менялся на глазах, однако зависимость самоопределения социологии от практических задач оставалась неизменной. Те-перь такие задачи ставили партийные архитекторы перестройки. Как и в ранний период существования, в издании отсутствовали иные принципы классификации рубрик. В изменениях большую роль сыграла

¹⁸ Появление таких статей не в последнюю очередь зависело от предприимчивости главного редактора. Вслед за нашими респондентами (редакторами, работавшими в журнале в советский период его издания) нужно особо отметить усилия Г. С. Батыгина в период перестройки, с личностью которого связывают многие перемены в журнале.

¹⁹ Примеры слов, требующих угадывания: «немецко-американский социолог» и «моющее средство».

²⁰ В 1984 г. редакция выпустила передовицу о самом журнале, где перечислила своих подписчиков: социологи из научных центров и университетов, различных отраслей народного хозяйства, партийные и комсомольские работники, хозяйственные руководители, преподаватели философии, научного коммунизма и других общественно-научных дисциплин. Среди массовых читателей упоминались рабочие, колхозники, инженеры, рядовые сотрудники аппарата управления, учителя, журналисты, работники культуры и военнослужащие. Своей дальнейшей целью редколлегия ставила «превращение журнала в собеседника как можно более широкого круга читателей» [Автор — редакция — читатель 1984: 39].

²¹ Максимальный тираж составил 29 986 экземпляров в 1989 г. (№ 4). Журнал продавался в киосках [Shalin 1990].

ориентация на массового читателя, которая привела журнал к заметной публицистичности. Редакция стремилась к тому, чтобы статьи были понятны и интересны читателям, которые никак не были связаны с социологией. Обращения редакции к авторам можно всерьёз рассматривать как призывы к тому, что сейчас называют публичной социологией.

Вместо заключения

Легитимность журнала «Социологические исследования» поддерживалась тем, насколько он мог воплощать классификационный порядок, характерный для советской социологии. Государственный патронаж, сделавший возможным возрождение социологии в СССР, имел свою цену: дисциплина должна была встраиваться в заданные извне категории. «Расплатой» стало воплощение на страницах журнала схем, предназначенных для социологии партийными документами или связанных с политическими процессами перестройки. Можно возразить, что структура рубрик играла роль декораций. Государственный патронаж, однако, трудно исчерпать лишь риторикой. Декорации не возникают из ничего и зачастую требуют изменения всей внутренней работы организации, чтобы достичь желаемого внешнего эффекта [Meuer, Rowan 1977]. Обращаясь к анализу организаций, чьё функционирование зависит от внешнего одобрения, исследователи стремятся рассмотреть, с какими последствиями сталкиваются такие структуры, добываясь легитимности. Для редакции «СоцИса» задаваемый извне принцип классификации публикационного пространства стал определять стратегию поиска и отбора рукописей.

Отбор рукописей, взаимодействие между редакцией и авторами является типичной задачей, которая сопровождается транзакционными издержками [Норт 1993]. Ограниченные ресурсы нужно распределить между разными задачами — поиском, оценкой и подготовкой рукописи к печати. При этом каждая из этих задач конкурирует между собой, а приоритет одной из них делает второстепенными другие. Если редакции исключительно важно наполнить рубрику, но авторы не спешат писать для неё, то журнал будет искать самостоятельно авторов, организовывать события, по результатам которых можно получить тексты. Задача прописывания классификаций, сигнализирующих о лояльности редакции, определяла способ заполнения рубрик статьями. Было трудно спрогнозировать, придут ли в этом месяце необходимые рукописи, поэтому редакция не могла занимать только выжидательную позицию и проводила круглые столы, направленные на обсуждения важных вопросов, встречи с читателями и агентами, заинтересованными в социологической информации, и даже организовывала собственные социологические исследования. Такие усилия предпринимались и в период ранней истории «СоцИса», когда события были направлены на обсуждение проблем эффективности общественного производства и идеологической деятельности, и во время перестройки.

В ситуации принудительного изоморфизма манёвры редакции в основном были связаны с поиском рукописей, которые не всегда соответствовали требованиям редакции, поэтому им необходима была серьёзная доработка. Заполучив желанные рукописи, редакция делала всё возможное, чтобы довести их до нужного состояния и подготовить к публикации. Повседневная жизнь редакции, рабочие операции по превращению полученных рукописей в статьи журнала, несла отпечаток стоящих перед журналом задач. Редактировался не только стиль изложения, но менялись структура рукописи, теоретические подходы и даже научные источники. Приведём цитату из редакционной колонки, которая иллюстрирует подход к подготовке рукописей: «Характерен следующий факт: лишь каждая четвёртая статья проходит “доводку”, равнозначную научному и литературному редактированию. Что же касается подавляющего большинства материалов, то речь идёт об изменениях логики изложения и интерпретации данных, об основательной перестройке языка и стиля изложения» [Автор — редакция — читатель 1984: 39].

Работа с рукописями, таким образом, носила отпечаток квазирецензирования, которое несло не тот смысл, как в случае, например, американских журналов [Губа 2015]. Оно не было похоже на процедуру

вынесения дисциплинарного вердикта, но, скорее, выполняло функцию доведения сырых рукописей до состояния тех продуктов, которые станут приемлемыми образцами социологической работы. Мы видим, что в том случае, когда стоят чёткие задачи, связанные с содержанием журнала, внутренняя работа редакций подчиняется этой задаче. Вероятен такой эффект для всех редакций, которые находятся в ситуации контроля публикационного пространства (даже если этот контроль вызван другими причинами). Если перед редакцией стоит задача сделать журнал, формат которого заранее определён, то необходимо предоставить ей свободу действий в поиске и оценке рукописей. Едва ли редакция справилась бы, если бы перед ней стояли чёткие задачи, связанные с содержанием статей, но одновременно строго контролировалась процедура отбора рукописей.

Литература

Автор — редакция — читатель. 1984. *Социологические исследования*. 3: 34–43.

Батыгин Г. С. 1998. Преемственность российской социологической традиции. В сб.: Ядов В. А. (ред.). *Социология в России*. М.: Издательство Института социологии РАН; 23–44.

Быть в авангарде перестройки. 1988. *Социологические исследования*. 1: 4–5.

Грэхэм Л. 1998. *Очерки истории российской и советской науки*. М.: Янус-К.

Губа К. 2015. Поиск и отбор рукописей в американских социологических журналах: сеть vs рынок. *Социология власти*. 3: 93–125.

Гудков Л., Дубин Б. 1994. *Литература как социальный институт*. М.: Новое Литературное обозрение.

Димаджио П., Пауэлл У. 2010. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность. *Экономическая социология*. 11 (1): 34–57. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2010-11-1/26595675>.

Каким быть журналу. 1988. *Социологические исследования*. 3: 138–142.

Кон И. С. 2008. *Восемьдесят лет одиночества*. М.: Время.

Костенко В. В., Яковлев Г. А. 2014. Состав авторов журнала «Социологические исследования», 1975–1982 гг. *Социологические исследования*. 9: 123–130.

Кузьминов Я. И., Семёнов Д.С., Фруммин И.Д. 2013. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану». *Вопросы образования*. 4: 8–69.

Научная хроника. 1987. *Социологические исследования*. 1: 122.

Норт Д. 1993. Институты и экономический рост: историческое введение. *THESIS*. 1: 69–90.

О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества. 1988. *Социологические исследования*. 5: 3–5.

- Павлюткин И. В. 2007. Что может сказать новый институционализм о поведении образовательной организации? В сб.: Семёнова М. В. (ред.). *Экономика университета: институты и организации*. М.: Изд. дом ВШЭ; 151–167.
- Развитие социологических исследований в СССР и задачи журнала. 1974. *Социологические исследования*. 1: 3–11.
- Соколов М. 2011. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии: История советской социологической профессии. *Экономическая социология*. 12 (4): 37–42. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2011-12-4/42287242.html>
- Соколов М. 2015. Демографические и социальные профили субдисциплин в советской и российской социологии. *Социологические исследования*. 9: 49–56.
- Соколов М., Волохонский В. 2013. Политическая экономия российского вуза. *Отечественные записки*. 4 (5): 25–33.
- Социологическое наследие. 1987. *Социологические исследования*. 5: 45–55.
- Филиппов А. Ф. 2013. Советская социология как полицейская наука. *Новое Литературное обозрение*. 123: 48–63.
- Фирсов Б. М. 2001. *История советской социологии 1950–1980-х годов. Курс лекций*. СПб.: Издательство «Европейский университет в Санкт-Петербурге».
- Юрчак А. 2014. *Это было всегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое Литературное обозрение.
- Abbott A. 1999. *Department and Discipline: Chicago Sociology at One Hundred*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Beliaev E., Burtorin P. 1982. The Institutionalization of Soviet Sociology: Its Social and Political Context. *Social Forces*. 61 (2): 418–435.
- Cameron K. S. 1984. Organizational Adaptation and Higher Education. *Journal of Higher Education*. 55 (2): 122–144.
- Cole S. 2004. Merton's Contribution to the Sociology of Science. *Social Studies of Science*. 34 (6): 829–844.
- DiMaggio P., Powell W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. 48: 147–160.
- Greenfeld L. 1988. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union. *Annual Review of Sociology*. 14: 99–123.
- Johnson M. 2008. Historical Legacies of Soviet Higher Education and the Transformation of Higher Education Systems in Post-Soviet Russia and Eurasia. In: Baker D. P., Wiseman A. W. (eds) *The Worldwide Transformation of Higher Education*. Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited; 159–176.

- Feldman M., March J. 1981. Information in Organizations as Signal and Symbol. *Administrative Science Quarterly*. 26 (2): 171–186.
- Kamens D. H. 1977. Legitimizing Myths and Educational Organization: The Relationship between Organizational Ideology and Formal Structure. *American Sociological Review*. 42 (2): 208–219.
- Meyer J., Rowan B. 1977. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. 83: 340–363.
- Moody J. 2004. The Structure of a Social Science Collaboration Network: Disciplinary Cohesion from 1963 to 1999. *American Sociological Review*. 69 (2): 213–238.
- Moody J., Light R. 2006. A View from Above: The Evolving Sociological landscape. *American Sociologist*. 37 (2): 67–86.
- Pontille D. 2003. Authorship Practices and Institutional Contexts in Sociology: Elements for a Comparison of the United States and France. *Science Technology Human Values*. 28 (2): 217–243.
- Shalin D. 1990. Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Change in Recent Soviet Sociology. *Social Forces*. 68 (4): 1019–1039.
- Weick K. 1976. Educational Organizations as Loosely Coupled Systems. *Administrative Science Quarterly*. 21 (1): 1–19.
- Weinberg E. 2004. Sociology in the Soviet Union and Beyond. *Sociology*. 14: 99–112.
- Useem M. 1976. Government Patronage of Science and Art in America. *American Behavioral Scientist*. 19 (6): 785–804.
- Zucker L. G. 1987. Institutional Theories of Organization. *Annual Review of Sociology*. 13: 443–464.
- Zuckerman E. 1999. The Categorical Imperative: Securities Analysts and the Illegitimacy Discount. *American Journal of Sociology*. 104 (5): 1398–1438.

BEYOND BORDERS

Katerina Guba

Editing the Soviet Sociological Journal: The Problem of Legitimacy in Soviet Sociology

GUBA, Katerina — MA in Sociology; Research Fellow at the Center for Science and Technology Studies (STS), European University at St. Petersburg, Research Fellow at the Centre for Policy Analysis and Studies of Technologies, Tomsk State National Research University. Address: 36-2 Lenin str., Tomsk, 634050, Russian Federation.

Email: kguba@eu.spb.ru

Abstract

In this article, we consider journals as organizations from neo-institutional organizational theory (W. Powell, P. DiMaggio, J. Meyer, and B. Rowan). An editorial office as an organization has to solve the problem of legitimacy. In the case of the Soviet journal “Sotsiologicheskiye issledovaniya” (“SotsIs”), the only specifically sociological journal in the USSR, it was done by matching journal headings to the official ideology of Soviet sociology. Drawing on an analysis of the journal headings for the Soviet period (1974–1991), I argue that structural divisions of the journal space reflected legitimate meanings of the Soviet sociology as a discipline which was created for increasing the ideological and administrative efficiency of the Soviet government. Journal categories were a signal of loyalty, which was required for the organization’s survival. During years of social and political changes, the role of the journal has changed. The journal has tried to attract

general educated readers as well as visibly demonstrate this commitment to public issues by imitation of the evident features of ‘thick’ magazines and newspapers. In spite of all its changes, the journal has continued to depend on the meaning of sociology as a study of social problems. Externally given classifications have played a principal role in choosing an organizational form for searching and evaluating manuscripts. When the editorial office has clear tasks related to the content of the journal, the most appropriate form is the network form of governance because external reviewing makes it difficult to fill journal space. The organization has to use quasi-reviewing, which performs the function of bringing ‘raw’ manuscripts to contribute to the facade of the journal. The history of the Soviet “SotsIs” is a history of an organization, in which the content was tightly controlled, while control of the evaluation of manuscripts remained on the periphery.

Keywords: new institutionalism; organizational analysis; scientific journals; sociology of science; Soviet sociology; peer review.

Acknowledgements

Funding for this research was provided by the Mega-grant of the Russian Federation Government to support scientific research under the supervision of leading scientist at the STS Center of the European University at St.Petersburg, No.14.U04.31.0001. I am indebted also to Professor Mikhail Sokolov (EUSP) who always ready to read the first drafts, Boris Firsov (EUSP) for details about Soviet sociology, Boris Stepanov (HSE) for assistance with the literature on Soviet journals, and Marina Pugacheva (HSE) for her help in arranging interviews with editors.

References

- Abbott A. (1999) *Department and Discipline: Chicago Sociology at One Hundred*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Avtor — redaktsiya — chitateľ [Author — Editors — Readers]. (1984) *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, vol. 3, pp. 34–43 (in Russian).
- Batygin G. S. (1998) Preyemstvennost' rossiyskoy sotsiologicheskoy traditsii [Continuity of the Russian Sociological Tradition]. *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia] (ed. V. A. Yadov), Moscow: Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN, pp. 23–44 (in Russian).
- Beliaev E., Burtorin P. (1982) The Institutionalization of Soviet Sociology: Its Social and Political Context. *Social Forces*, vol. 61, no 2, pp. 418–435.
- Byt' v avangarde perestroyki [Being at the Forefront of the Perestroika]. (1988) *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 1, pp. 4–5 (in Russian).
- Cameron K. S. (1984) Organizational Adaptation and Higher Education. *Journal of Higher Education*, vol. 55, no 2, pp. 122–144.
- Cole S. (2004) Merton's Contribution to the Sociology of Science. *Social Studies of Science*, vol. 34, no 6, pp. 829–844.
- DiMaggio P., Powell W. (2010) Novyy vzglyad na “zheleznyuyu kletku”: institutsional'nyy izomorfizm i kollektivnaya ratsional'nost' [The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 11, no 1, pp. 34–57. Available at: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204985/ecsoc_t11_n1.pdf (accessed 9 November 2015) (in Russian).
- DiMaggio P., Powell W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, vol. 48, pp. 147–160.
- Feldman M., March J. (1981) Information in Organizations as Signal and Symbol. *Administrative Science Quarterly*, vol. 26, no 2, pp. 171–186.
- Filippov A. (2013) Sovetskaya sotsiologiya kak politseyskaya nauka [Soviet Sociology as a Police Science]. *New Literary Observer*, vol. 123, pp. 48–63 (in Russian).
- Firsov B.M. (2001) *Istoriya sovetskoy sociologii 1950–1980-hk godov* [History of Soviet Sociology], St.Petersburg: Izdatel'stvo “Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge” (in Russian).
- Graham L. (1998) *Ocherki istorii rossiyskoy i sovetskoy nauki* [Essays on the History of Russian and Soviet Science], Moscow: Yanus-K (in Russian).
- Guba K. (2015) Poisk i otbor rukopisey v amerikanskikh sotsiologicheskikh zhurnalakh: set' vs rynek [How Sociological Journals Select Articles: Networks vs. Market]. *Sotsiologiya vlasti*, vol. 3, pp. 93–125 (in Russian).

- Gudkov L., Dubin B. (1994) *Literatura kak sotsial'nyy institute* [Literature as Social Institute], Moscow: New Literary Observer Publishing House (in Russian).
- Greenfeld L. (1988) Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union. *Annual Review of Sociology*, vol. 14, pp. 99–123.
- Johnson M. (2008) Historical Legacies of Soviet Higher Education and the Transformation of Higher Education Systems in Post-Soviet Russia and Eurasia. *The Worldwide Transformation of Higher Education* (eds. D. P. Baker, A. W. Wiseman), Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, pp. 159–176.
- Kakim byt' zhurnalu [What Kind of Journal Should be SotsIs]. (1988) *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 3, pp. 138–142 (in Russian).
- Kamens D. H. (1977) Legitimizing Myths and Educational Organization: The Relationship between Organizational Ideology and Formal Structure. *American Sociological Review*, vol. 42, no 2, pp. 208–219.
- Kon I. S. (2008) *Vosem'desyat let odinochestva* [Eighty Years of Loneliness], Moscow: Vremya (in Russian).
- Kostenko V. V., Yakovlev G. A. (2014) Sostav avtorov zhurnala "Sotsiologicheskiye issledovaniya", 1975–1982 [The Composition of the Authors of the Journal "Sociological Studies", 1975–1982]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, vol. 9, pp. 123–130.
- Kuz'minov Y. I., Semenov D. S., Frumin I. D. (2013) Struktura vuzovskoy seti: ot sovetskogo k rossiyskomu "master-planu" [University Network Structure: From the Soviet to the Russian "Master Plan"]. *Voprosy obrazovaniya*, vol. 4, pp. 8–69 (in Russian).
- Nauchnaya khronika [Academic Events]. (1987) *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], vol. 1, pp. 122 (in Russian).
- Meyer J., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*, vol. 83, pp. 340–363.
- Moody J. (2004) The Structure of a Social Science Collaboration Network: Disciplinary Cohesion from 1963 to 1999. *American Sociological Review*, vol. 69, no 2, pp. 213–238.
- Moody J., Light R. (2006) A View from Above: The Evolving Sociological Landscape. *American Sociologist*, vol. 37, no 2, pp. 67–86.
- North D. (1993) Instituty i ekonomicheskiy rost: istoricheskoe vvedenie [Institutes and Economic Growth: Historical Introduction]. *THESIS*, vol. 1, pp. 69–90 (in Russian).
- O povyshenii roli marksistsko-leninskoy sotsiologii v reshenii uzlovykh problem sovetskogo obshchestva [On Strengthening the Role of the Marxist-Leninist Sociology in Solving Key Problems of Soviet Society]. (1988) *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, vol. 5, pp. 3–5 (in Russian).
- Pavlyutkin I. V. (2007) Chto mozhet skazat' novyy institutsionalizm o povedenii obrazovatel'noy organizatsii? [What can be Said about the Behavior of the New Institutionalism Educational Organization?]. *Ekonomika universiteta: instituty i organizatsii* [University Economics: Institutions and Organizations] (eds. M. V. Semenova), Moscow: HSE Publishing House, pp. 151–167 (in Russian).

- Pontille D. (2003) Authorship Practices and Institutional Contexts in Sociology: Elements for a Comparison of the United States and France. *Science Technology Human Values*, vol. 28, no 2, pp. 217–243.
- Razvitie sotsiologicheskikh issledovaniy v USSR i zadachi zhurnala [The Development of Sociology in USSR and Journal Goals]. (1974) *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 1, pp. 3–11 (in Russian).
- Shalin D. (1990) Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Change in Recent Soviet Sociology. *Social Forces*, vol. 68, no 4, pp. 1019–1039.
- Sokolov M. (2011) Rynki truda, stratifikatsiya i kar'ery v sovetskoj sotsiologii: Istoriya sovetskoj sotsiologicheskoy professii [Academic Marketplace, Stratification, and Career in Soviet Sociology: History of the Soviet sociologists as Profession]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 4, pp. 37–42. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/2011-12-4/42287242.html> (accessed 9 November 2015) (in Russian).
- Sokolov M. (2015) Demograficheskiye i sotsial'nyye profili subdistsiplin v sovetskoj i rossijskoj sotsiologii [Demographic and Status Profiles of Subspecialties in Soviet and Russian Sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, vol. 9, pp. 49–56 (in Russian).
- Sokolov M., Volokhonskiy V. (2013) Politicheskaya ekonomiya rossijskogo vuza [The Political Economy of the Russian University]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland], vol. 4, pp. 25–33 (in Russian).
- Sotsiologicheskoe nasledie [Sociological Heritage] (1987). *Sociologicheskie issledovaniya*, vol. 5, pp. 45–55 (in Russian).
- Useem M. (1976) Government Patronage of Science and Art in America. *American Behavioral Scientist*, vol. 19, no 6, pp. 785–804.
- Weick K. (1976) Educational Organizations as Loosely Coupled Systems. *Administrative Science Quarterly*, vol. 21, no 1, pp. 1–19.
- Weinberg E. (2004) Sociology in the Soviet Union and Beyond. *Sociology*, vol. 14, pp. 99–112.
- Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Posledneye sovetskoye pokoleniye*. [It was Forever until It was Over. The Last Soviet Generation], Moscow: New Literary Observer Publishing House (in Russian).
- Zucker L. G. (1987) Institutional Theories of Organization. *Annual Review of Sociology*, vol. 13, pp. 443–464.
- Zuckerman E. (1999) The Categorical Imperative: Securities Analysts and the Illegitimacy Discount. *American Journal of Sociology*, vol. 104, no 5, pp. 1398–1438.

Received: May 12, 2015.

Citation: Guba K. (2015) Izdavaya “SotsIs”, ili Problema legitimnosti v sovetskoj sotsiologii [Editing the Soviet Sociological Journal: The Problem of Legitimacy in Soviet Sociology]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 16, no 5, pp. 20–45. Available at <http://ecsoc.hse.ru/2015-16-5.html> (in Russian).